

ВОЗРОЖДЕННЫЙ «ЩЕЛКУНЧИК»

ГЕНИАЛЬНАЯ музыка Чайковского, воспевающая ликующую победу добра над злом, увлекла многих хореографов, начиная от знаменитых М. Пети, Л. Иванова и А. Горского. Последняя постановка на сцене Большого театра была осуществлена (в 1939 году) выдающимся советским балетмейстером В. Вайноненом. А сейчас это замечательное произведение мы увидели на сцене Большого театра в творчестве Ю. Григоровича.

Обычно, когда возобновляется знаковый спектакль, возникают споры: какая постановка лучше. Думается, в данном случае они излишни, ибо постановка Ю. Григоровича — не «возобновление» старого балета, а фактически новая редакция, решенная балетмейстером с глубоким проникновением в музыку Чайковского, в сюжет сказки Э. Гофмана.

Ю. Григорович хорошо известен как постановщик, стремящийся к раскрытию средствами хореографии характеров героев, их внутреннего мира, образов, диктуемых музыкальной драматургией. В «Щелкунчике» ярко видна эта целеустремленность балетмейстера. Все образы в спектакле — будь то чопорные, степенные гости в доме родителей Маши или куклы, — каждый имеет индивидуальные черты характера, а следовательно, и поведения.

Впервые в постановке этого балета мы увидели «танцующего» Мастера кукол, — таинственного фокусника, умеющего увлечь детское воображение. Вся

партия этого персонажа в прошлых постановках была фактически пантомимной, а сейчас она создана средствами танца. В связи с этим вспоминаются слова В. И. Мировича-Данченко, который говорил, что в балете должен быть не просто танцовщик, а танцующий актер, умеющий своим танцем раскрывать внутреннее содержание действия и образа. Эту идею в спектакле в роли Мастера кукол превосходно воплощает В. Левашев.

В спектакле много удач: сцены в доме Маши, танцы кукол, уход гостей и детей, награжденных рождественскими подарками, и многое другое. Эти сцены пронизаны и лирикой, и тонким юмором, порой вырастающим до гротеска. Сказочно раскрыт мир сновидений Маши — то легких, прозрачных, как неясная мечта, то страшных, пугающих «кошмаров» при появлении Короля мышей и его свиты, то радостных, светлых после победы кукольного Щелкунчика, превращающегося в прекрасного Принца.

Отдавая дань бесспорным удачам, хочу отметить и отдельные недостатки. Картина «Снежинки», например, мне кажется мало фантастичной; в построении танцев не хватает трепетности, воздушности, романтики, звучащей в музыке. Не в полную меру удалось балетмейстеру знаменитое помпезное «па-де-де» Маши и Принца, являющееся кульминацией в балете. Оно несколько обеднено в хореографическом отношении: не хватает в нем того блеска, монументальности,

которыми насыщена музыка. Впечатление снижается еще и тем, что этому хореографическому дуэту тоже танцевально «аккомпанирует» масса, — много двигаясь, меняя положения, порой заслоняя и отвлекая внимание от главных исполнителей.

На премьере в центральных партиях выступали Е. Максимова и В. Васильев. С большим обаянием, непосредственностью и теплотой показывает нам хрупкую, впечатлительную Машу талантливая Е. Максимова. В партии Щелкунчика В. Васильев с присущим ему артистическим даром сумел тонко выжить два образа: Куклы с ее механическими движениями и сказочного Принца, наделенного большим, добрым сердцем.

Танцы Е. Максимовой и В. Васильева, как всегда, были блестящи по технике и музыкальности.

Трудно отметить всех исполнителей балета: в красочном танцевальном kaleidoscope каждый по-своему сумел воплотить задачи балетмейстера.

С подлинным вдохновением, огромной эмоциональностью, филигранно оттеняя каждый мельчайший нюанс партитуры, дирижировал Г. Рождественский. Художник С. Вирсаладзе, как всегда, проявил богатую фантазию в оформлении спектакля.

Премьеру «Щелкунчика» тепло принял зритель, критик взыскательный и беспристрастный.

Викторина КРИГЕР.